

УДК 1

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118

Александр Юрьевич Нестеров,
доктор философских наук, доцент,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34),
e-mail: phil@ssau.ru

«Исполнение» в семиотике техники

Семиотика техники – это направление в философии техники, снимающее противопоставление платонистского и конструктивистского подходов к пониманию изобретения. В статье конкретизируется понятие «исполнение» применительно к акту художественной деятельности и к техническому изобретению. Рассматриваются три определения исполнения по количеству учитываемых слоёв семиозиса. Слои семиозиса берутся в рамках традиции трансцендентализма и включают трихотомию чувственного восприятия, рассудка и разума. Показывается, что под «исполнением» в каждом случае понимается семантическое правило. Анализируется понятие потребности в виде рефлексивно фиксируемой неполноты, вызывающей к жизни собственно технический семиозис. Учитывается трихотомия физических, интеллектуальных и духовных потребностей. Излагается концепция техники как «четвёртого царства» Ф. Дессауэра. Показывается, что синтаксис технического семиозиса является исторически обусловленным, то есть случайным, что позволяет интерпретировать «четвёртое царство» в виде набора прагматических (не синтаксических и не семантических) правил. Технический объект как удовлетворяющий конкретную потребность человека артефакт характеризуется как наименее определённый на фоне логики и литературного творчества, что приводит к постановке вопроса о соотношении мыслимого и возможного на фоне немислимого и невозможного в истории и актуальной практике технической деятельности.

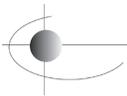
Ключевые слова: философия техники, семиотические основания техники, «четвёртое царство», исполнение, техническая реализация

Введение. Фундаментальной проблемой философии техники является вопрос о природе изобретения. Когда человек изобретает, как возникает новое, то, чего не существовало до того, как оно оказалось изобретено? Проблема «нового» существенно шире, нежели вопрос об изобретении, однако относительно техники она может быть поставлена предельно конкретно. В рамках платонистского представления о мире изобретение – это процесс перевода потенциального в актуальное, сокрытого в открытое [11]. В рамках конструктивистского представления о мире изобретение – это извлечение человеком нового из самого себя, порождение существующего [19].

Взятые сами по себе платонизм и конструктивизм – это довольно уязвимые позиции. С одной стороны, изобретение имеет дело с объективными законами природы, с не зависящим от индивида синтаксисом естественного языка или математики, с общезначимыми процедурами работы сознания; с другой стороны, изобретение – продукт индивидуального ума, вызываемый к жизни сочетанием переживаний, потребностей и возможностей конкретного человека. Контрверза платонизма и конструктивизма преодоле-

вается в трансцендентально-семиотической картине мира. Здесь реальность – это правила и иерархии правил, употребление которых позволяет субъекту выстроить ту или иную действительность. Сам субъект представлен в виде способа взаимодействия «миров» в смысле К. Р. Поппера или сред осуществления семиозиса в виде восприятия, рассудка и разума [18]. Субъект способен к рецептивному и проективному семиозису и ограничен горизонтами познаваемого и возможного.

Техника в трансцендентально-семиотической картине мира понимается как проективный семиозис (то есть как «выражение») определённого типа с конкретным набором прагматических, синтаксических и семантических правил. В основе семиотического представления о технике лежит аналогия между художественной и технической деятельностью человека как формами рефлексии. Если акт художественного выражения связывает фантазию и воображение (сферу рефлексивного инобытия человека) с комбинаторикой естественных языков, позволяя реализоваться новым формам выражения, новым художественным языкам, стилям и т. п., то акт технического выражения связыв-

вает фантазию и воображение не только с естественным языком, но и с чувственно воспринимаемой действительностью. Техника на фоне художественного выражения оказывается более сложной формой рефлексии, которая вовлекает в человеческую деятельность мир физических объектов, слой чувственного восприятия, трансформируя его подобно тому, как поэтическая деятельность трансформирует естественные языки.

Изобретение в рамках трансцендентально-семиотической картины мира – это удовлетворение потребностей за счёт сдвига субъектом границ невысказанного и невозможного. Изобретение представляет собой проективный семиозис, который осуществляется сначала средствами фантазии (то есть разума, воображения или рефлексии), затем средствами рассудка (то есть естественных и математических языков), затем средствами физического мира (то есть чувственного восприятия и материи в той мере, в какой человек имеет дело с материей в восприятии и его приборных расширениях). Изобрести, создать новое – значит исполнить потребность, желание или цель на всех трёх уровнях, довести исполнение до артефакта, исполняющего конкретную задачу. Ключевым термином описания изобретения оказывается «реализация» или «исполнение», с одной стороны, и «проблема», «потребность», «желание» – с другой.

Методология и методы исследования.

Понятие исполнения. В логике понятие исполнения (*Erfüllung*) используется А. Тарским [21] для конкретизации корреспондентского определения истины, связывающего выражение в метаязыке и языке-объекте. Под «исполнением» понимается исполнение переменной предикативной функции некоторым именем высказывания. Под предикативными функциями Тарский понимает высказывания метаязыка, содержащие переменные, например, «*x* бел» или «*x* любит *y*»; под именами – слова или термины языка-объекта, например, «снег», «Ромео», «Джульетта». Соответственно процедура исполнения описывается как интерпретация, то есть реализация семантического правила семиозиса: «*x*» интерпретируется как «снег», «Ромео» и т. д. В логике такого рода понимание исполнения является общепризнанным, однако оно показывает процедуру исполнения лишь как внутриязыковую перекодировку, то есть как отношение, не выходящее за пределы языка как формы организации рассудочных категорий [13; 17, с. 571].

О более широком понятии исполнения речь идёт у Р. Ингардена в контексте теории литературы [14]. Он вводит понятие «конкретизации» (из которого впоследствии выросла рецептивная эстетика), описывающее взаимодействие текста и читателя. «Невозможно с помощью конечного числа слов или предложений однозначным и исчерпывающим образом установить бесконечное многообразие свойств индивидуальных, изображённых в произведении предметов, какие-то свойства должны отсутствовать» [15, с. 50]. Процедура, в рамках которой доопределяются отсутствующие в описании свойства предметов, – это и есть конкретизация: «"конкретизацией" изображённых предметов я называю дополняющее определение» [Там же, с. 52]. Например, высказывание «он держал в руках кусок дерева» конкретизируется в зависимости от контекста на представлениях, варьирующихся от обрезка сосны в руках плотника до образа Буратино. Исполнение, подразумеваемое «конкретизацией», – это интерпретация, выходящая за пределы внутриязыковых перекодировок и связывающая в рамках семантического правила некоторое индивидуальное переживание или образ со словом или предложением в языке. Если в модели А. Тарского переменные принадлежат метаязыку и исполняются в объектном языке, то в модели Р. Ингардена каждое слово и каждое предложение объектного языка оказывается переменной, исполняемой в зависимости от контекста в субъективных представлениях чувственного восприятия и рефлексивного самопознания.

В классическом представлении о художественной деятельности, сформулированном В. Дильтеем, поэт – это человек особой силы переживания, способный облечь переживание в рассудочный язык [3]. Художественное выражение, осуществляемое в поэтическом творчестве, – это исполнение переживания в художественной форме того или иного языка искусства. Сложность художественного высказывания, исторически обусловленная эволюцией формы выражения, определяется тем, что для поэта оно исполняется на невыразимом иначе переживании, для читателя служит руководством, ключом, кодом или нитью Ариадны для воссоздания переживания поэта. И для поэта, и для читателя исполнение, как выражение и как понимание соответственно, – это осуществление семантического правила относительно действительного набора денотатов, где язык в проективном или рецептивном режиме обозначает

те или иные конфигурации рефлектирующего сознания. Содержание понятия исполнения в терминах теории литературы подразумевает интерпретацию языка как формы организации рассудка на фоне неязыковой структуры переживающего, действующего сознания.

В философии техники понятие исполнения обладает существенно большим объёмом, допуская сравнение форм исполнения потребностей человека в литературе и технике. Например, Ф. Дессауэр, демонстрируя антропологические следствия платонистского понимания техники, пишет: «...В сказках исполнения ложны, а желания, стремления к золоту, силе, благоденствию, роскоши и владычеству подлинны» [2, с. 222]. Сама техника есть исполнение, выходящее за пределы сугубо фантазии или рассудка, то есть такая интерпретация, которая создаёт новые формы в субстрате физической действительности. Техническое изобретение – это удовлетворение потребностей, исполнение желаний посредством создаваемых человеком артефактов; соответственно, исполняемые переменные принадлежат сфере желаний или потребностей, а областью исполнения является сфера мыслимого и возможного.

«Исполнение» – термин, фиксирующий 1) внутриязыковые перекодировки, 2) интерпретации форм языка на неязыковых элементах рефлектирующего сознания, 3) осуществление потребностей в доступной человеку действительности. Исполнение – это осуществление семантического правила, требующее в каждом конкретном случае учёта прагматического и синтаксического правил, включая вопрос о материальном субстрате семиозиса.

Проблемы и потребности. Сфера потребностей является частью потенциального, то есть ненаблюдаемого и логически неизвлекаемого космоса, доступ к которому открывается человеку в соответствии с его образованием, воспитанием, уровнем социализации и т. п. Техника исполняет потребности с точки зрения действительного мира, то есть с точки зрения законов физической реальности и логики; техническое исполнение потребности противопоставляется сказочному, фикциональному или литературному исполнению потребностей.

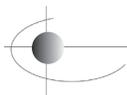
Фундаментальной проблемой философской рефлексии является определение понятия «потребности» или «желания». Техническое действие заключается в создании нового, того, что не существовало до акта его изобретения, некоторым образом испол-

няющего цель человека. Цель – это образ действительности, создаваемый человеком в акте самопознания и подразумевающий снятие ощущаемой им неполноты того или иного рода. Сфера потребностей, удовлетворяемых техникой и нетехническими формами деятельности, порождается целеполаганием и выражается в фиксируемой рефлексией неполноте действительного на фоне мыслимого и возможного.

Понятие «потребность» может быть определено через представление о неполноте или неопределённости в логике и теории познания. «Потребность» – это вербальное имя логической переменной, где само понятие переменной фиксирует «знание о незнании» в эпистемологическом смысле или «возможность» в онтологическом смысле. Зафиксировать некоторую потребность – значит сравнить или сопоставить в акте рефлексии две и более системы или состояния одной и той же системы в разные периоды времени, например, состояния сытости и голода. При наложении этих систем возникает фиксируемая бытовым словом «потребность» неполнота, требующая дополнительной – рефлексивной и технической – деятельности, трансформации наличной действительности.

Типы потребностей определяются структурой человеческого сознания и деятельности. Семиотика техники в нашем случае использует классическое трансценденталистское трёхкомпонентное представление о сознании, противопоставляющее чувственное восприятие, рассудок и разум. Таким образом, наличие неполноты и неопределённости констатируется относительно физической реальности (физические потребности), относительно рассудка (интеллектуальные потребности) и относительно разума (духовные потребности). Это базисные типы индивидуальных человеческих потребностей. Физические потребности – это необходимость в пище, сне, размножении и т. п. Интеллектуальная потребность – это необходимость познания и коммуникации. Духовная потребность – это требование удовлетворения эстетического и религиозного чувства. Наиболее ясно духовные потребности сформулировал П. К. Энгельмейер [7], определив их в виде стремлений к истине, красоте, благу и пользе.

К удовлетворению потребностей человек стремится, изобретая формы мысли, художественные средства, технические приёмы и артефакты. Исполнение, осуществление, реализация, воплощение – это термины, фиксирующие процесс технического изобретения

и включения его в структуры деятельности. Собственно техническое исполнение заключается в том, что форма проективной рефлексии, то есть способ решения проблемы или удовлетворения базовой потребности, подразумевает не только невербализуемые образы фантазии, не только предметы языка, но и искусственные артефакты, новые объекты, занятые исполнением задач в сферах чувственного восприятия, рассудка и разума.

Можно представить себе условного архаического человека, перед которым в рефлексии возникают два образа: мифологический образ пирующего бога и сказочный образ скатерти-самобранки. Возможность собственно технического действия у него, как было продемонстрировано Э. Кассирером, появится после пересмотра оснований рефлексии [9]: на место синкретического магического понимания себя и мира должен будет прийти рациональный анализ оснований и условий возможности как самой потребности, так и форм её удовлетворения. Можно утверждать, что техника как форма рефлексии подразумевает свою специфическую онтологию, допускающую собственно техническое исполнение. С точки зрения онтологии техники утверждение о существовании – это утверждение о технической исполнимости, утверждение о сущности – это утверждение о знании законов природы, обеспечивающих техническое исполнение.

Результаты исследования и их осуждение. Четвёртое царство техники. В рамках трансцендентально-семиотической картины мира онтология – это набор правил, по которым нечто существует, будучи либо воспринимаемым, либо переменной корректно построенной функции, либо учитываемым фантазией или вымыслом. Каждый конкретный слой семиозиса, как бы его ни определяли разные авторы, от чувственного восприятия (или мира физических объектов) до рассудка (мира логических и грамматических форм, мира языка) и разума (мира рефлексии, свободы, нравственности), представляет собой в первую очередь набор объективно существующих синтаксических правил, которые некоторым образом применяются и формируют системы значений в этом применении [4]. Ф. Дессауэр в «Философии техники» отталкивается от троякого деления мира на три «царства» в смысле И. Канта, включающего «царство опытного познания», «царство воли и нравственного закона», «царство эстетического и целесообразного [des Zweckmaessigen]» [10, с. 50].

Он показывает, что необходимо подвергнуть анализу проективное взаимодействие этих царств, осуществляющееся в технике: «Тройного деления мира по Канту недостаточно. В четвёртом царстве мы вступаем в новый мир, заключающийся в технике» [Там же, с. 56]. Техника – это проективный семиозис в той его части, которая касается объективного осуществления рассудочных структур в субстрате чувственного восприятия.

Сформулированные Ф. Дессауэром тезисы о «четвёртом царстве» показывают, что это область между человеческими потребностями и порядком природы, в которой формируется собственно «изобретение» [2, с. 105–109]. Существенный вопрос заключается в том, какой тип правил подразумевается в «четвёртом царстве»: это набор правил образования и преобразования знаков (синтаксис), применения знаков человеком (прагматика) или отношения знаков к объектам (семантика)? Платон, формулируя реалистскую доктрину мира идей, открыл правила синтаксиса. Для плюралистической онтологии будет верным утверждение о том, что всякий слой семиозиса обладает своим собственным набором синтаксических правил, который может быть извлечён процедурой аксиоматизации. Однако любого рода интерпретация, как рецептивная, так и проективная, представляет собой отображение одного набора синтаксических правил на другом – это классический вопрос теории познания. В «четвёртом царстве» техники, как и в проективном семиозисе в целом, речь идёт об обнаружении новых соответствий между структурой вымысла, языка и физических законов, то есть о прагматических правилах «учитывания».

Тезис, формулируемый в данной статье, заключается в том, что объективные законы технического формообразования, сформулированные Ф. Дессауэром в виде самостоятельного «царства», подразумевают прагматическое правило употребления форм вымысла и форм языка для порождения новой семантики в сфере физической действительности. Техника как таковая, если следовать определению Ф. Дессауэра, является узкой областью проективного материального осуществления форм рассудка в субстрате физического мира, доступного чувственному восприятию. Эту область можно обозначить как область технического семиозиса, где синтаксические правила фиксируют способы преобразования рассудочных схем в объекты и процедуры физического мира, прагматические правила показывают применение опре-

делённого синтаксиса в рамках доступного конкретному субъекту запаса знаний, навыков и умений, семантические правила показывают воплощённые в физическом мире технические объекты как значения и технические среды – как системы значений. Развёртывание этой модели – задача семиотически определённой философии техники [5].

Недоопределённость референции.

Техническое действие берёт начало в фантазии, продолжается в мышлении и завершается построением объекта в чувственном восприятии. Каждая из этих трёх сред семиозиса обладает собственным набором синтаксических, прагматических и семантических правил. Объективность и иерархическая сложность этих правил – это открытие платонизма; приведение правил разных сред в состояние проективного взаимодействия, способного изменить среду; реальность – это открытие конструктивизма. Представление о техническом исполнении как о референции, то есть о последовательном отображении фантазии на рассудочных структурах, а рассудочных структур – на чувственном восприятии – это тезис, формулируемый в рамках семиотики.

Техническое исполнение как последовательное осуществление семантического правила в проективной интерпретации от фантастического образа к языковому выражению и далее к соответствующему законам физического мира артефакту может быть описано как трансформация и финалистское упорядочивание референции: логически корректные смыслы создают истинностные значения как новые объекты, соответствующие законам природы.

Вместе с тем техническое исполнение, понимаемое в качестве референции, оказывается подвержено всем проблемам, которые характеризуют семантическое правило. Наиболее значимая проблема, требующая внимания и анализа, заключается в принципиальной недоопределённости семантики.

Даже в тривиальных случаях внутриязыкового дуализма метаязыка и языка-объекта, формулируемых А. Тарским, нет возможности найти основания для исполнения «х бел» высказыванием «снег бел» вместо, например, «уголь бел»: конечным основанием служит принятая в рамках обучения и взросления индивида конвенция называть волну одной длины «белым», а другой длины – «чёрным». В случае технического исполнения эта проблема многократно усугубляется: удовлетворяемая конкретным техническим объектом потребность индивида сама по себе есть

продукт рефлексии, а её исполнение опирается на прагматические навыки, заданные и сформированные конкретной, исторически определённой парадигмой научного знания.

Иными словами, изобретение как квинтэссенция технического имеет дело с сочетанием исторически заданных горизонтов мыслимого и возможного на фоне немислимого и невозможного.

«Немыслимое» – это термин рефлексии, фиксирующий предельные границы самопознания человека. Мыслимыми являются те или иные абберрации чувственного восприятия (например, фантастические существа, объекты или способности в беллетристике); мыслимыми являются нарушения рассудочных структур (логики, грамматики, в целом те или иные соотношения рассудка и восприятия), однако нарушения структуры рефлексии (с позиции любого семиотического правила) являются немислимыми. Рефлексия, фиксируя некоторое наличное положение дел в восприятии (действительное) и способы его трансформации рассудком (возможное), сама по себе, то есть в смысле оппозиции действительного и возможного, природного и исторического, остаётся неизменной. Тезисы элейской школы о немислимости небытия, о боге как о «едином», развёрнутые Античностью в виде онтологической и логической системы, реалистская концепция бога Ансельма как того, «выше чего ничто не может быть помыслено», фигуры «добротого бога» Д. Беркли, «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, «природы» и «материи» в новейшей истории показывают не только тот очевидный факт, что мыслимое нуждается в немислимом в качестве фона и условия возможности, но и то, что немислиемое фиксируется через порядок рефлексии: могут нарушаться причинно-следственные связи, ход времени и развёртывание пространства, неизменной остаётся лишь метафора онтологического или герменевтического круга, описывающего и структурирующего иерархию многого и единого. Именно эта метафора является основанием для утверждения о самоидентичности человеческого субъекта в истории, то есть для тех случаев, когда исследователь задаётся вопросом о том, каковы основания для трансляции исторического предания, что делает возможным понимание древних текстов. Немислим, следовательно, иной порядок рефлексии, нежели тот, что культивируется человеком от индуизма до современного трансгуманизма, немислиемое – это предел понимания.

Неизменность рефлексии, выраженная в метафоре круга, позволяет понять историческое развитие техники как разотождествление немислимости и невозможности. Рост самосознания человека заключается в обнаружении самостоятельности и независимости от структуры рефлексии как таковой, правил физического мира, логики и грамматики, фиксируемых восприятием и рассудком. Если античные, средневековые и новоевропейские мыслители вплоть до Х. Вольфа отождествляли мыслимое и реальное (соответственно, немислимое оказывалось нереальным, невозможным), так что структура рефлексии совпадала со структурой универсума (очевидно, последним мыслителем, всерьёз отождествлявшим логику и онтологию, был Гегель), то в философии с конца XVIII века, а в науке и технике – после Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, И. Ньютона и других – мыслимое оказывается способом учёта реального (немислимое, соответственно, не совпадает с невозможным, структура рефлексии описывает человеческое «сознание», но не универсум как таковой). Если система категорий Аристотеля описывает набор предельных понятий, фиксирующих границы любого возможного мира, то система категорий И. Канта описывает уже только набор трансцендентальных форм рассудка в их границах, грамматические же категории языка, приходящие в «новой логике» Венского кружка на смену универсальным логическим формам, описывают лишь границы применения некоторого конкретного алфавита в рамках заданных синтаксических правил, не претендуя ни на фиксацию полной картины человеческого рассудка, ни тем более на фиксацию универсума; аналогичные процессы развития в языкознании и литературоведении XX века показывают зависимость как логического анализа, так и способов выражения рефлексии от форм языка (гипотеза Сепира – Уорфа).

Невозможное – это, в отличие от немислимого, предел деятельности. Несовпадение пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как 1) нечто мыслимое и одновременно возможное; 2) нечто мыслимое, но невозможное; 3) нечто немислимое, но возможное; 4) нечто немислимое и одновременно невозможное.

Процесс формулирования проблем показывает границу мыслимого и немислимого в виде перечня потребностей. Пионерские изобретения

сдвигают границы невозможного, расширяя горизонты мышления и технического действия, что в свою очередь приводит к формулированию новых проблем и новых потребностей. Недоопределённость семантики пионерского технического действия выражается в самом общем виде в том, что конкретные потребности удовлетворяются исторически меняющимися артефактами, а сам характер этого исторического развития обусловлен лишь настойчивыми попытками человека использовать технику для удовлетворения не только физических, но интеллектуальных и духовных потребностей. Удивительным здесь является то, что само историческое развитие техники оказывается подчинено вполне прозрачной логике превращения естественной среды в искусственную среду первого, второго и т. д. порядка [6].

Заключение. «Новое», возникающее благодаря техническому изобретению, может быть описано в виде осуществления семантического правила проективного семиозиса. Это правило исполняет ту или иную потребность человека, то есть снимает неопределённость и неполноту в физическом, интеллектуальном или духовном пространстве. Сама процедура технического исполнения становится возможной благодаря навыку интерпретации или отображения замещающих неполноту фантастических образов на синтаксисе естественного языка, математики и законах физического мира.

Техника, с точки зрения исполнения потребностей, – это особое прагматическое правило в том же смысле, в каком особым прагматическим правилом является эстетическое или религиозное переживание. Уже П. К. Энгельмейер подчёркивал, что техника – это источник материальной культуры, следовательно, любые обусловленные объективной культурой формы человеческой деятельности задаются и определяются прагматикой технического исполнения желаний [7].

Вместе с тем технические объекты изменяются, конкретные формы осуществления семантического правила имеют исторический характер, подвержены прогрессу и регрессу, что свидетельствует о неопределённости семантического правила, равно как и о том, что синтаксис самой технической деятельности выстраивается лишь относительно исторически обусловленной парадигмы научного знания.

В целом семиотический подход к технике, анализ техники в контексте трансцендентально-семиотической картины мира позволяет

довольно успешно обобщить определения техники, сформулированные в разнородных подходах, показать механизмы соотношения философской деятельности, как она практикуется в университетской среде, с насущными задачами инженерного поиска, с вопросами самосознания инженера как субъекта проективного технического семиозиса. В онтологическом плане возникает задача синтеза в выявлении оснований собственно технической деятельности, и она должна быть решена в целях обоснования прогнозов и проектов технического преобразования человека и социума. В эпистемоло-

логическом плане представление о техническом исполнении как референции ставит вопрос о конкретных формах взаимодействия «миров» как сред семиозиса в технической деятельности, о границах отображения одного мира на другом, о развитии как преодолении немыслимого и невозможного и т. п. В этическом плане открывается проблема корректной формулировки исполняемых в технической рефлексии потребностей, так что содержание технической деятельности оказывается ответом на фундаментальный вопрос философской антропологии «что есть человек?».

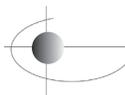
Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Дессаур Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 266 с.
3. Дильтей В. Воображение поэта. Элементы поэтики // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 263–421.
4. Нестеров А. Ю. Существование и значение: проблема субстрата знаковой функции // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология. 2014. № 4. С. 56–63.
5. Нестеров А. Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2015. Т. 14, № 1. С. 235–246.
6. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 155 с.
7. Энгельмейер П. К. Философия техники. СПб.: Лань, 2013. 96 с.
8. Berkley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Oxford, 1998. 248 p.
9. Cassirer E. Form und Technik // Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. S. 39–91.
10. Dessauer F. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung. Bonn, 1928.
11. Dessauer F. Streit um die Technik. Frankfurt am Main, 1958.
12. Dessauer F. Streit um die Technik. Freiburg in Breisgau, 1959.
13. Gloy K. Wahrheitstheorien. Tübingen, 2004.
14. Ingarden R. Das literarische Kunstwerk. Tübingen, 1960.
15. Ingarden R. Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks. Tübingen, 1968.
16. Leibniz G. W. Monadologie und andere metaphysische Schriften. Hamburg, 2002.
17. Mittelstraß J. Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Stuttgart: Weimar, 2004. Bd.1.
18. Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1995.
19. Ropohl G. Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik. Karlsruhe, 2009.
20. Schleiermacher F. D. E. Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress. Berlin; New York, 1985. Pp. 1271–1311.
21. Tarski A. Die semantische Konzeption der Wahrheit und die Grundlagen der Semantik // Wahrheitstheorien / G. Skirbekk. Frankfurt am Main, 1977. Pp.140–188.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Нестеров А. Ю. «Исполнение» в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 111–118. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118.

Alexandr Yu. Nesterov,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Samara National Research University
(34 Moskovskoye ave., Samara, 443086, Russia),
e-mail: phil@ssau.ru

"Execution" in the Semiotics of Technology

Semiotics of technology is a direction in the philosophy of technology, removing the opposition of the Platonist and constructivist approaches to understanding the invention. The article concretizes the concept of execution as applied to the act of artistic activity and to the technical invention. Three definitions of "execution" are proposed for the number of layers of semiosis considered. The layers of semiosis are taken within the framework of the tradition of transcendentalism and include the trichotomy of sensory perception, reason and mind. It is shown that a semantic rule is meant by "execution" in each case. The concept of need is analyzed in the form of a reflexively fixed incompleteness, which provokes the actual technical semiosis. The trichotomy of physical, intellectual and spiritual needs is taken into account. The concept of technology as the "fourth kingdom" of F. Dessauer is expounded. It is shown that the syntax of technical semiosis is historically conditioned, that is, random, which allows us to interpret the "fourth kingdom" in the form of a set of pragmatic (not syntactic and not semantic) rules. The technical object as an artifact satisfying a particular human need is characterized as the least defined against the background of logic and literary creativity, which leads to the formulation of the question of the ratio of the conceivable and possible on the background of unthinkable and impossible in the history and actual practice of technical activity.

Keywords: philosophy of technology, the semiotic foundations of technology, the "fourth kingdom", execution, technical implementation

References

1. Aristotel. "Metaphysics". Collected works. In 4 v. V. 1. M: Mysl', 1976. (In Rus.)
2. Dessauer F. Controversy over technology. Samara, 2017. (In Rus.)
3. Diltey V. Imagination of the poet. Elements of poetics. Collected works. In 6 v. V. 4. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2001. pp. 263–421. (In Rus.)
4. Nesterov A.Yu. Existence and meaning: the problem of the substratum of a sign function. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, no 4 (28), pp. 56–63, 2014. (In Rus.)
5. Nesterov A. Yu. The essence of technical consciousness within the frame of the semiotic approach. Vestnik SGAU, Vol. 14, no. 1, pp. 235–246, 2015. (In Rus.)
6. Nesterov A. Yu. Semiotic foundations of technology and technical consciousness. Samara: Izd-vo samarskoy gumanitarnoy akademii, 2017. (In Rus.)
7. Engel'meyer P. K. Philosophy of technology. St. Petersburg, 2013. (In Rus.)
8. Berkley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Oxford, 1998. (In Engl.)
9. Cassirer E. Form and technology. // Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. pp. 39–91. (In Germ.)
10. Dessauer F. Philosophy of technology. The problem of realization. Bonn, 1928. (In Germ.)
11. Dessauer F. Controversy over technology. F. a. M., 1958. (In Germ.)
12. Dessauer F. Controversy over technology. Freiburg in Breisgau, 1959. (In Germ.)
13. Gloy K. Theories of truth. Tübingen, 2004. (In Germ.)
14. Ingarden R. The literary work of art. Tübingen, 1960. (In Germ.)
15. Ingarden R. From the recognition of the literary work of art. Tübingen, 1968. (In Germ.)
16. Leibniz G. W. Monadology and other metaphysical writings. Hamburg, 2002. (In Germ.)
17. Mittelstraß J. (Hrsg.) Encyclopaedia of Philosophy and Science Theory. Stuttgart. Weimar, 2004. Bd.1. (In Germ.)
18. Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1995.
19. Ropohl G. General technology. A system theory of technology. Karlsruhe, 2009. (In Germ.)
20. Schleiermacher F. D. E. The general hermeneutics. In Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York, 1985: pp. 1271–1311. (In Germ.)
21. Tarski A. The semantic conception of truth and the foundations of semantics. In Skirbekk G. (Hrsg.) Wahrheitstheorien. F. a. M., 1977: pp. 140–188. (In Germ.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018.

Reference to the article

Nesterov A. Yu. "Execution" in the Semiotics of Technology // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 111–118. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118.